

Религия, философия, наука на пороге III-го тысячелетия.

Религия, философия, наука являются тремя основными движущими силами человеческой цивилизации, которая всегда устремлена к одной цели — поиску совершенного блага человека. О результатах этого поиска на настоящий момент нет необходимости говорить много: мир стоит на грани глобального кризиса, грозящего уничтожить не только все достижения научно-технического прогресса, но и саму жизнь на земле. Кто виноват в этом, очевидно — сам человек, его бурная деятельность, направляемая... наукой, философией, религией! Более трагическую ситуацию трудно себе представить: то высшее, что есть в человечестве и по самой природе своей предназначено быть светом на пути его жизни, ведет, оказывается, к всеобщему и страшному концу.

Где истоки столь неожиданного финала? Непросто ответить на такой большой и сложный вопрос. Но не вызывает сомнений, что одной из серьезнейших ошибок, совершенных в последние два-три столетия в нашем цивилизованном мире, является противопоставление знания научного и философского религиозному, всевание, по выражению Ломоносова, вражды между ними и отсюда полная потеря взаимопонимания и согласия между этими тремя важнейшими сферами духовной и интеллектуальной жизни человека в осмыслении основополагающих принципов его деятельности. Поэтому восстановление изначально бывшей гармонии и взаимосвязи между религиозным, философским и научным видением мира — проблема не просто важная, но по ряду причин должна быть сегодня отнесена и к наиболее актуальным. Главные из них.

1. Мировоззренческая. В истории Нового времени, особенно с т. н. эпохи Просвещения, научно-технические достижения и философская мысль рассматривались и продолжают рассматриваться всеми власть имущими до настоящего времени не только как необходимейшие, но и как единственные средства, способные открыть человеку и подлинный смысл его жизни, и наполнить ее реальным содержанием — вопреки религии, которая в лучшем случае является лишь красивой традицией, поддерживающей отчасти определенную моральную атмосферу в какой-то части общества, но, по-существу, представляющей собой мировоззрение антинаучное, оторванное от насущных проблем жизни и уводящее человека в иллюзорный мир беспочвенных мечтаний.

Однако такое пренебрежительно-отрицательное отношение к ней и противопоставление ее науке и философии влечет за собой далеко идущие психологические, нравственные и практические последствия, самым негативным образом отражающиеся на человеке. Ибо пока имеет место подобное убеждение, не может быть ни духовно устойчивого общества, ни истинно гуманных достижений, ни целостного мировоззрения, достойно отвечающего человеческому сознанию на важнейший вопрос: "Зачем я живу и творю?"

2. Духовная. Мощный научно-технический прогресс и достижение высокого уровня жизни в развитых странах при, одновременно, резком снижении в "них" христианской религиозности, приводит, как говорит статистика, все больший процент людей не к обещанному райскому блаженству на земле, а к разочарованию в жизни, потери ее смысла, нравственным извращениям, тяжелым нервно-психическим расстройствам и самоубийствам. Поистине, парадоксальное явление! Невольно вспоминаются библейские слова: *Когда я чаял добра, пришло зло; когда ожидал света, пришла тьма* (Иов. 30,26). Куда же ведет человека современная цивилизация, "освобождаясь" от религии и ее морали? Не "убивает ли она его заживо, терзая и превращая в бездушный робот?"

3. Экологическая. Комфорт жизни, кое-где и кое для кого отчасти достигнутый, но для большинства человечества по-прежнему лишь обещаемый научно-технической революцией, настолько заморозил все человечество, что оно забыло не только о духовных, нравственных и религиозных ценностях, но и о самой своей жизни, не говоря уже о жизни своих потомков. Наслаждение, выгода, власть — компоненты и спутники комфорта — буквально свели с ума и окончательно поработили современного человека, заставляя его, ради их достижения губить ту природу, частью которой он сам является, ввергая мир в тяжелейший экологический кризис. Не обязывает ли это к срочному пересмотру ценностей и приоритетов в нашей жизни?

Это лишь некоторые из проблем, прямо свидетельствующие, что сейчас, как никогда наука и техника, философия и религия пришли в такое соприкосновение, которое с необходимостью требует нового, гармонично-целостного отношения современного человека, и в первую

очередь ученого и философа, к той вере, которая наполняла жизнь и руководила всей деятельностью наших отцов в течение многих веков. Но на каких началах это возможно и что должно быть положено в основу нового взгляда? Несомненно, что ответ по существу на эти вопросы может быть дан только при условии надлежащего осмысления конечной цели человеческой жизни. И хотя на первый взгляд эта проблема особой трудности не представляет, поскольку очевидно, что таковой целью является благо всех и каждого, дело осложняется тем, что само понимание блага и средств его достижения в науке, философии и религии далеко не однозначно. Как они смотрят на эту проблему?

НАУКА (подразумевается естествознание), в конечном счете, видит благо в максимальном познании мира во всех его измерениях, с целью достижения полной над ним власти, что должно сделать человека, фактически, всемогущим божеством в этом мире.

Эта цель очень соблазнительна, однако она вызывает ряд серьезных недоумений. Например:

1. Может ли иметь под собой какие-либо доказательные основания эта перспектива грядущего человекобожия, не является ли она плодом элементарной фантазии человеческого самомнения?
2. Есть ли достаточно убедительные аргументы того, что "счастье" будущего т. н. "золотого миллиарда" человечества, во-первых, не будет возведено на крови и страданиях множества погубленных людей; во-вторых, не окажется ли и сам этот остаток не более как рабом ничтожной кучки "сверхлюдей", хитростью и насилием захвативших власть в мире в свои руки? Оснований к подобным предположениям сейчас уже более, чем достаточно. Но в таком случае, подвиг ученых, совершаемый ради проблематичного идеального человечества, не обернется ли против человечества реального, став средством его порабощения и смерти?

Ответ науки на эти вопросы, как бы парадоксально это ни звучало, может быть только одним: "Я ничего не гарантирую, но верую и вы ВЕРЬТЕ, что все будет о'кей". Другого, кроме призыва к вере, научного ответа, наука дать не в состоянии по многим причинам. Вот некоторые из них.

1. Здание науки зиждется на постулатах (признании реальности мира, его закономерности, познаваемости и др.), без которых она не может ни существовать, ни развиваться, но которые не могут быть доказаны.

2. Научные доказательства в конечном счете условны, не абсолютны. Даже математические доказательства являются лишь несомненными выводами из положений, которые принимаются за истинные. В большинстве же случаев научные доказательства суть вероятные выводы из вероятных положений. При этом вероятность тем меньше, чем сложнее предмет обсуждения. После теорем Гёделя это стало математической очевидностью.

3. В науке нет критериев, которые бы давали полную гарантию истинности той или иной теории (Ф.Франк остроумно замечает: "Наука похожа на детективный рассказ. Все факты подтверждают определенную гипотезу, но правильной оказывается, в конце концов, совершенно другая гипотеза").

4. Не зная самых фундаментальных законов бытия в целом, нет никакой возможности убедиться в истинности (следовательно, и полезности) локальных научных закономерностей. Не случайно Фейнман говорил студентам: "Если вы думали, что наука достоверна, — вы ошибались". А это низводит науку, особенно в вопросах мировоззренческих, на уровень не более, как гадалки. Что вытекает отсюда?

Во-первых. Проблема блага — мировоззренческая. Но научные знания даже во всей своей совокупности сами по себе не являются мировоззрением и не могут быть таковым, поскольку наука изучает только естественные явления и закономерности мира, а не бытие в целом. Наука специфически мировоззренческими вопросами не занимается — это область религии и философии (поэтому всегда были ученые с разными мировоззрениями: агностики, верующие, атеисты). Отсюда понятно, что сам термин "научное мировоззрение" очень условен, по меньшей мере очевидно, что наука и т. н. научное мировоззрение — понятия совсем не тождественные. Поэтому сама идея о благе как совершенном познании мира, по-существу, вненаучна.

Во-вторых. В решении вопроса о конечном смысле жизни или о благе человека основной проблемой, безусловно, является бытие Бога. Каковы здесь возможности науки? Бесконечность вглубь и вширь познаваемого мира однозначно говорит о том, что наука никогда в принципе не будет в состоянии заявить о небытии Бога (даже если бы Его не было). У нее только одна перспектива: когда-то встретить Бога на своем пути. И как известно, для многих ученых Его признание стало несомненным убеждением. Однако это убеждение,

несмотря на очень серьезные данные естествознания, особенно последнего времени, в конечном счете все же есть не столько строго обоснованное знание, сколько наиболее вероятный вывод. А следовательно, и сама научная идея блага является, скорее, религиозно-философской, нежели действительно научной.

А это означает, что надежды на "золотой век" будущих поколений человечества, который обещал (обещает?) научно-технический прогресс, оказываются не более как голубой мечтой.

ФИЛОСОФИЯ всегда видела благо в познании Истины. (Она имеет историю гораздо большую, чем наука, и потому уже не раз на своих вершинных взлетах и в периоды кризисов свидетельствовала о том, что может дать человеку). Однако ища ее на пути дискурсивного мышления, и не имея никакой возможности доказать способность человеческого *ratio* к адекватному постижению действительности (если таковая есть), философия вынуждена была свои исходные положения постулировать, при этом нередко заимствуя их у религии. В решении же основного вопроса жизни — ее смысла и блага — она нередко или сливалась с теологией, становясь ее служанкой, или обособлялась, порождая новые системы, истинность выводов которых в принципе не могла доказать. Поэтому все философские школы и направления никогда не поднимались выше требования веры своим утверждениям, т. е. своей истине, своему пониманию блага. При этом дистанция, отделяющая понимание блага в одной системе от другой, часто оказывалась бесконечно великой: от обожения до наркотиков, от духовного до плотского, от вечного до сиюминутного. И не было, и нет никакой возможности проверить истинность любого из этих пониманий, тем более, что и сама идея истины, а с ней и блага, после долгих исканий и доказательств уже не раз вообще объявлялась псевдопроблемой.

Наконец, РЕЛИГИЯ (в данном случае речь идет только о ПРАВОСЛАВИИ), которая не есть ни наука, поскольку объектом ее постижение является совершенно иной мир — мир духовный, ни философия, так как существо религии — в непосредственном сердечном, а не рациональном, постижении Бога.

Православие, как и любая религия, в своем свидетельстве о благе апеллирует непосредственно к Откровению (вопрос о его достоверности отдельный) и к церковно-историческому (соборному) опыту богопознания. Здесь в истинности познаваемого человек удостоверяется не посредством своих пяти чувств, хотя бы и усиленных приборами, не опосредованным путем логики (*ratio*), а непосредственным фактом особого созерцания (феории), внутреннего опыта. И если справедливо, что "Истина не доказывается, а показывается", то это вполне верно по отношению к тому благу, о котором говорит православие. При этом истинность индивидуального опыта проверяется в православии соборным (коллективным) опытом Церкви (святых), в свою очередь основанном на свидетельствах (истинах) Откровения, зафиксированного в Священном Писании.

Решение вопроса о благе в Православии исходит из исповедания бытия Бога и бессмертия человеческой личности. Принципиально важно отметить при этом, что вера в то и другое не является ни постулатом "чистого разума", ни его не выводами, но фактами общечеловеческого религиозного опыта.

По христианскому Откровению Бог есть Сущий (Бытие), Триипостасная Любовь, Премудрость, Истина. Этих определений достаточно, чтобы видеть, что Бог и есть то Благо, Которым все живет и движется и существует " (Деян.17;28), и что, следовательно, смысл человеческой жизни заключается в целостном (умом, сердцем и телом) познании Его, приобщении к Нему. В православном богословии это приобщение именуется обожением.

Предлагаемый православием идеал блага отвечает основным целям человеческих исканий, поскольку очевидно, что достоверное познание Истины (цель философии) и тварного мира (цель науки) возможно лишь через знание Сущего, то есть Бога. Познание же Бога, или, что то же, приобщение Ему, единение с Ним является не только главной, но и единственной целью человеческой жизни по православному учению.

Почему можно принять православный взгляд? Конспективно основные положения можно представить в следующих пунктах.

1. Он не имеет "противопоказаний". Православие в своем учении не предлагает ничего, что противоречило бы точно установленным научным истинам, или могло бы отрицательно влиять на нравственное состояние личности и общества, на развитие мысли, науки, культуры в целом, о чем убедительно свидетельствует история.
2. Напротив, оно предлагает человеку идеал такой духовной жизни, которого не знала ни одна религия и философия и который не только соответствует самым глубоким

и чистым стремлениям человеческой души, но и показывает, особенно на примерах святых, как преображается личность, ставшая на путь неформальной православной жизни.

3. Православие удовлетворяет важнейшей потребности человека — дает конкретный и исчерпывающий ответ на вопрос о смысле и цели его жизни: богоподобное, вечное бытие личности. При этом достижение указанной цели не игнорирует никаких реальных потребностей человека и действительных ценностей этой жизни. Знаменитое "пари" Б. Паскаля (в его "Мыслях") хорошо это иллюстрирует: человек, живя по-христиански, ничего не теряет на земле даже если нет Бога, если же Он есть, то приобретает бесконечное в Нем благо; живя же вопреки Евангелию, человек по меньшей мере ничего не выигрывает здесь, но зато, если Бог есть, всего лишается в вечности.
4. Православие в чисто формальном плане удовлетворяет основным требованиям, предъявляемым к любой научной теории. Оно, во-первых, предлагает факты, подтверждающие его истинность, во-вторых, указывает реальный путь проверки своих утверждений. Этим оно принципиально и по существу отличается от всех атеистических мировоззрений и систем мысли, требующих от человека веры и только веры, поскольку они не имеют и не могут иметь ни фактов, свидетельствующих о небытии Бога, ни тем более дать ответ на важнейший для них вопрос: "Что должен сделать человек, чтобы убедиться в небытии Бога"?
5. История Церкви указывает на огромное количество фактов религиозного опыта (преимущественно жизнь пророков, святых, мучеников), который и по сей день не закрыт ни от одного человека, то есть проверяем в опыте индивидуальной жизни. Правильный духовный подвиг, проводимый на основе строгих, конкретных законов аскетики, открывает христианину во всей убедительности не просто бытие Бога как Высшего Существа и Разума, но и Бога как Любви и только Любви, готовой дать человеку всю полноту своего Блага.
6. Неисчислимо количество христианских чудес (достаточно привести имена таких православных святых, как свят. Николая Мирликийского, Ксении Петербургской, Амвросия Оптинского, Иоанна Кронштадтского), а так же целый ряд поразительных христианских пророчеств, в исполнении которых может удостовериться каждый, независимо от своих убеждений, подтверждают истинность христианства.
7. История свидетельствует об истинности Православия не поддающимся никакому естественному объяснению фактом сохранения и распространения христианства в условиях трехвекового жестокого преследования и физического уничтожения христиан, начиная с казни Самого Иисуса Христа. Христианство, как ни одна религия в мире, дало такое количество мучеников за веру (десятки и десятки миллионов), которое полностью исключает возможность объяснения этого беспрецедентного в истории явления какими-либо обычными причинами (фанатизмом, идейной убежденностью, психическими болезнями, увлеченностью христианством как модой и т.д.).
8. Все основные христианские истины (Единство Бога при Троичности Ипостасей, Богочеловечество Иисуса Христа, Спасение Крестом, Воскресение и др.) принципиально отличны от всех древних нехристианских аналогов и невыводимы из каких-либо систем мысли того времени. Апостол Павел потому писал: *Мы проповедуем Христа распятого: чудям соблазн, эллинам безумие* (1Кор.1;23).

Каков же источник этих глубочайших в своем религиозном и философском содержании истин, возвещенных... полуграмотными рыбаками?

Как видим, православное понимание блага исходит не из слепой веры, но имеет под собой самые серьезные основания.

Что могло бы дать православие науке и философии?

— Прежде всего:

ясную целенаправленность и высший смысл научных исследований и философских изысканий;

осознание необходимости и приоритетности духовно-нравственных критериев в определении полезности (истинности) любой и всей познавательной, исследовательской, творческой деятельности человека;

ограждение ученого от страсти "познания ради познания", рабство которой все с большей очевидностью приближает современное человечество к реальности франкенштейнов, подтверждая мудрость слов св. Каллиста Катафигиота: "Ум должен соблюдать меру познания, чтобы не погибнуть";

способствовало бы нахождению более полноценных и нравственно оправданных направлений развития системы научного, философского и гуманитарного образования и разрешению одной из серьезных проблем — соотносительной значимости религии, философии и науки в жизни и всей практической деятельности человека;

сыграло бы огромную роль в создании здорового климата в обществе, в его наиболее важной сфере жизни — духовно-интеллектуальной.

Изоляция же науки и философии как высокоспециализированных социальных реалий от православия неизбежно ведет, как показывает история, к разрушению целостности и многомерности видения и мира, и самого человека.

В настоящее время есть достаточные условия к развитию плодотворного диалога между этими тремя ветвями познающего человеческого духа и грешно было бы не воспользоваться ими.

А.И. Осипов